

УДК 340.132.6

Ориентация на намерения законодателя – гарантия объективности толкования или ограничение демократических начал судопроизводства (с позиции прецедентной доктрины)?

Недилько Юлия Викторовна

Кандидат юридических наук,
кафедра теории и истории государства и права,
Кубанский государственный аграрный университет им. И.Т. Трубилина,
350044, Российская Федерация, Краснодар, ул. Калинина, 13;
e-mail: jvna@list.ru

Аннотация

Автором рассматриваются основные изменения в подходе к толкованию норм права в Великобритании и США в современный период. Основная тенденция сводится к возрастанию роли закона и теоретических разработок при сохранении основного характера прецедентной доктрины. В статье указано, что одновременно с этим в англо-американской юридической науке высказывается мнение о необходимости ограничения судейского усмотрения в процессе интерпретации и правоприменения целями, которые преследовал субъект правотворчества, принявший тот или иной нормативный акт. Однако многие американско-английские правоведы высказываются против того, чтобы связывать свободу толкования необходимостью обращения к целям законодателя, поскольку это входит в противоречие с демократическим принципом разделения властей и является ничем иным, как ограничением свободы судебной власти со стороны законодателей. Этими исследователями было сформировано направление, получившее в зарубежной юридической науке название интенционализма. Рассматривая доводы сторонников обеих теорий, автор статьи приходит к выводу о том, что в интерпретационной и правоприменительной деятельности нельзя допускать ни излишней свободы правоприменителя, которая может перерасти в произвол, ни жесткого ограничения его законодателем, поскольку это действительно может поставить судебную власть в зависимость от законодательной. Оптимальным вариантом может стать гармоничное взаимодействие этих ветвей власти, позволяющее соблюдать принцип законности, но в то же время дающее такую свободу судейскому усмотрению, которая способствовала бы нормальному функционированию системы законодательства.

Для цитирования в научных исследованиях

Недилько Ю.В. Ориентация на намерения законодателя – гарантия объективности толкования или ограничение демократических начал судопроизводства (с позиции прецедентной доктрины)? // Вопросы российского и международного права. 2016. Том 6. № 10А. С. 13-23.

Ключевые слова

Толкование права, интерпретативная теория, теория интенционализма, теория необходимости признания намерения, основанного на авторитете власти, судебское усмотрение, прецедентная доктрина.

Введение

В развитии методов и правил толкования права в США прецедент, как известно, играет огромную роль, что обусловливается принадлежностью Соединенных Штатов к государствам англо-саксонской правовой семьи. Таким образом, теоретические разработки здесь находятся под существенным влиянием судебной практики, и, следовательно, на их формирование не может не оказывать влияния субъективная позиция правоприменителя. Однако, в свою очередь, взгляды последнего также формируются под влиянием многих факторов, которые также оказывают воздействие на результаты толкования права.

В этой связи в американо-английской юридической науке все чаще стало высказываться мнение о том, что следствием свободы судебного усмотрения может оказаться недостижение целей, поставленных законодателем. Поэтому, чтобы свести к минимуму риск таких последствий, необходимо осуществлять интерпретацию в соответствии с данными целями.

Таким образом, в широком понимании речь идет о возрастании значения закона в ущерб прецеденту, что позволяет говорить о том, что тенденция к конвергенции правовых систем находит свое отражение в трудах американских и английских правоведов.

Свобода судебного усмотрения как фактор учета нормативных и ненормативных стандартов в интерпретационной деятельности

В современный период представители американской и британской юридической науки все чаще акцентируют внимание на том факте, что при разрешении конкретного юридического дела судьи осуществляют интерпретацию, руководствуясь не только подходящими к конкретному случаю правовыми предписаниями, но и ненормативными – моральными, политическими и другими – стандартами. По мнению Р. Дворкина, указанные стандарты – non-rule standards – вкупе с существующими нормативными актами и представляют собой право [Law, Martin, 2009, 296].

В рамках интерпретативной теории толкования, представленной Р. Дворкиным и его сторонниками, толкование норм права, обусловленное вышеуказанными – нормативными и ненормативными – стандартами, отражает интерпретационную практику определенного судейского сообщества и судебную доктрину конкретного государства. Учет при этом моральных предписаний позволяет представить вышеуказанные аспекты в позитивном ракурсе. Судейская интерпретация норм основывается на представлениях конкретного судьи о наилучшем толковании [Dworkin, 1998, 10; Дворкин, 2004, 24; Dworkin, 2006, 10-12]. Американские и английские правоведы все чаще в своих исследованиях указывают, что у любой правовой проблемы – только одно правильное решение, и перед судьей стоит задача найти его. Это придает любому юридическому анализу и правовой аргументации императивную сущность [Law, Martin, 2009, 296].

Интерпретативный подход, на первый взгляд, таит в себе противоречия, ведь одновременно со стремлением к объективности толкования данная теория показывает зависимость судьи от его субъективных взглядов как на смысл законодательной нормы, так и на понимание ненормативных стандартов. Но, по большому счету, любой результат правоприменения и интерпретации в той или иной мере является субъективным, поскольку каждый правоприменитель осуществляет свою деятельность, ориентируясь, помимо других факторов, на собственные субъективные представления о праве, морали, справедливости, целесообразности и т. п. По этой причине понимание и трактовка законодательных норм и принципов каждым субъектом применения права может осуществляться по-разному. Принимая во внимание эти факторы, необходимо признать, что для принятия абсолютно объективного решения субъекту нужно абстрагироваться от личных воззрений, что является практически невозможным.

Ориентация на намерения законодателя – гарантия объективности толкования?

Единообразному пониманию правовых норм может способствовать включение в текст нормативного акта легальных дефиниций, формулирование в нем целей, на достижение которых направлено действие конкретного акта, а также выяснение намерений субъекта правотворчества. Несомненно, такая помощь со стороны законодателя имеет важное значение для правильного и единообразного толкования и применения норм права. Однако в американско-английской юридической науке значимость указанного фактора признается не всеми правоведами.

Интересно, что данная проблема в основном связана с дискуссией между сторонниками «живой» Конституции США и так называемыми «оригиналистами» – сторонниками первоначального, «истинного» ее понимания. Очевидно, что в своих истоках она носит в большей мере политический, чем научный характер, если учесть, что она затрагивает судебное толкование Конституции.

Однако постепенно получила свое распространение позиция, связанная с подобным подходом к толкованию всех нормативных актов. Это обуславливается, прежде всего, тем обстоятельством, что исследователи стали разграничивать термины «цели закона» и «цели законодателя». Но при этом способов их четкого разделения до настоящего времени не выработано.

Большинство споров о намерении законодателя исходит из того, что намерение – термин неточный, он может включать в себя как телеологический аспект (понятие цели), так и смысловой (т. е. понятие концепции) [Landis, 1930]. Иначе говоря, намерение можно понимать и как цель, достижению которой призван служить толкуемый нормативный акт, и как смысл, который законодатель заложил в употребляемые в законе слова и выражения. Оба эти значения приводят к различной интерпретации:

1) к телеологическому толкованию, объем которого ограничен целями принятия нормативного акта – экономическими, политическими, социальными. В этом случае должно быть исключено разночтение между «буквой» и «духом» закона;

2) к необходимости всестороннего раскрытия смысла нормативного акта посредством анализа содержащихся в нем слов и выражений при помощи различных способов толкования.

Признавая трудность выявления намерений законодателя, некоторые исследователи предполагают, что достаточно истинными являются те, которые проявляются в поступках, партийной программе и идеологических спорах [Marmor, 2001, 95].

Однако мы считаем необходимым возразить, что даже здесь не всегда демонстрируется истинное намерение законодателя. Его определение – действительно дело крайне сложное, которое не исключает ошибок. Прежде всего, индивид может открыто декларировать одни цели, а на деле – преследовать другие. Какие из них следует учитывать при толковании и правоприменении? Кроме того, даже сам законодатель, столкнувшийся с новой для него ситуацией, не всегда в состоянии четко сформулировать свое намерение.

В данном случае справедливым признается утверждение судьи Скалиа о том, что в большей степени нужно обращать внимание на то, что текстуальное выражение закона формировалось в определенный исторический период [Scalia, 1997, 27, 38], соответственно, оно обусловлено конкретными историческими обстоятельствами, что необходимо иметь в виду при осуществлении интерпретации и правоприменения. Однако отметим, что и такой подход также не гарантирует абсолютно точного выявления истинных целей субъекта правотворчества.

В этой связи англо-американскими правоведомы были разработаны следующие правила обращения к намерениям законодателя:

1) целесообразно учитывать намерение субъекта правотворчества, когда нормативный акт был принят не коллегиально, а единолично;

2) если уж интерпретатор решит обратиться к выявлению целей коллегиального субъекта правотворчества, то он должен принять во внимание только намерение тех лиц, которые проголосовали за данный акт [Hurd, 1995];

3) в случае необходимости обращения к целям законодателя необходимо также исследовать взгляды, цели и идеи, не содержащиеся в тексте самого закона [Waldron, 1999, 141-142].

Но в то же время правоведы соглашались с тем, что учет данных правил также не является стопроцентным залогом того, что намерение законодателя будет четко установлено.

Свобода судейского усмотрения как гарантия реализации демократических принципов

В связи с вышеизложенным ряд правоведов выступают против возложения на правоприменителя обязанности руководствоваться при толковании права целями законодателя. Эти ученые представляют направление, получившее в зарубежной юридической науке название интенционализма. В основном это американские и английские правоведы, ставящие во главу принцип демократии во всех сферах государственной и общественной жизни, в том числе и в области толкования права.

Демократия в толковании правовых норм заключается, по их мнению, именно в признании права интерпретатора осуществлять трактовку нормы в соответствии с собственными позициями. Необходимость выяснения намерений законодателя ограничивает это демократическое право и ставит интерпретатора в жесткие рамки. Кроме этого, учет намерений законодателя, по мнению интенционалистов, означает нарушение принципа ограничения органов власти нормами права, характерного для правового государства. О реальном верховенстве права можно говорить лишь в том случае, когда его авторитет не зависит от позиции властных органов.

Некоторые сторонники интенционализма (например Дж. Уолдрон) убеждены, что ограничение позиции интерпретатора необходимостью выяснения намерения законодателя несет в себе антидемократический характер, поскольку делает невозможным обсуждение и коллективный поиск оптимального решения: обращение к намерению законодателя означает, что такое решение уже существует, оно императивно и не допускает учета иных мнений. Кроме этого, Уолдрон уверен, что авторитет закона не зависит от намерения субъекта правотворчества: в любом случае закон остается законом. Нельзя также утверждать, что законодатель, принимая закон, имел в виду его применение к тем же ситуациям, с которыми столкнулся правоприменитель. Поэтому намерение субъекта правотворчества нельзя считать «жестким» ориентиром. Эта концепция созвучна с точкой зрения Хайди Херд, которая считает, что власть закона заложена в его тексте, а не его авторах [Hurd, 1995].

Таким образом, сторонники концепции интенционализма выступают против ограничения интерпретационных полномочий правоприменителя законодательными намерениями,

считая, что такое ограничение говорит, прежде всего, о зависимости судебной власти от законодательной, следовательно, противоречит принципам разделения властей и верховенства права и препятствует их реализации.

Авторитет закона неотделим от авторитета законодателя

Однако не все правоведы столь категоричны в своих выводах. Оппонентами интенционалистов выступают сторонники теории необходимости признания намерения, основанного на авторитете власти. Они считают, что законодатель, принимая правовой акт, пытался решить конкретные задачи, вследствие чего учет его намерений правоприменителем и интерпретатором безусловно необходим. Кроме того, правовой акт не возникает сам по себе, а принимается народом на референдуме, законодательными, исполнительными и другими компетентными органами. Следовательно, авторитет закона неотрывен от авторитета органов власти, а признание авторитета нормы права и одновременное отрицание авторитета субъекта правотворчества является абсурдным.

Установление необходимости учитывать намерения составителя закона, по мнению американского исследователя Познера, является одним из важных факторов, призванных ограничивать свободу судейского усмотрения при толковании, поэтому интерпретация всегда должна «вращаться» вокруг необходимости раскрытия смысла нормативного акта, вложенного в него законодателем.

Исходя из указанной позиции, любое толкование обязательно должно соответствовать авторскому намерению. Для того чтобы понять смысл любого текста, необходимо предполагать, что его автор высказывал определенную мысль, а не просто набор слов; что различные тезисы текста взаимосвязаны между собой и в каждом из них заложен единый смысл. Поэтому пытаться определить суть текста в отрыве от намерений автора неправильно: вначале приходит намерение, а лишь потом – смысл.

Однако это не значит, что интерпретатор всегда обязан следовать намерениям законодателя. Он просто должен иметь в виду, что текст закона был сформулирован с целью создать определенный нормативный акт [Fish, 1980], направленный на регулирование общественных отношений при помощи конкретных приемов и методов, и в результате он должен быть понят и применен таким образом, чтобы реализовать цели, стоящие перед обществом и государством в конкретный исторический период. Раскрытие намерения законодателя можно считать пред-интерпретацией, т. е. еще не собственно толкованием.

Следует отметить, что ряд англо-американских авторов пытаются занять промежуточную позицию и найти положительные аспекты в каждой из вышеисследованных теорий. Они называются умеренными интенционалистами. Их позиция сводится к тому, что не следует целиком и полностью полагаться на телеологический способ толкования,

поскольку есть вероятность того, что смысл, который приобретает текст при разрешении конкретного юридического дела, будет отличаться от того значения, которое он имел для его составителя [Marmor, 2005, 85]. Задачей интерпретатора является не выявление намерений законодателя, которые могут отличаться от значения, которое на самом деле несет в себе нормативный акт, а поиск наиболее значимых аспектов закона, которые дают основания обратиться к нему с целью урегулирования конкретной ситуации и достижения конкретных правовых результатов. Это актуально еще и по той причине, что часто интерпретация нормативного акта может приводить к нескольким выводам, не все из которых будут логически верными.

Но при этом умеренные интенционалисты не считают, что намерение законодателя никогда не сможет служить в качестве ориентира при толковании норм права. Не считают они несостоятельной также и саму идею о том, что при толковании необходимо ссылаться на такие намерения [там же, 89]. В качестве примера приводятся так называемые «легкие» судебные дела, существование которых объясняется именно тем, что в конкретных случаях намерения субъекта правотворчества являются ясными и конкретными настолько, что не требуют пространного разъяснения, а могут просто без него включаться в текст решения по делу [Hart, 2005, 145].

Поэтому приверженцы умеренного интенционализма считают, что в случае проблем при интерпретации нормы права судьям необходимо обращаться к выяснению намерений законодателя. Эта необходимость, по их мнению, сродни необходимости принимать конкретный препарат, прописанный врачом в случае болезни: если у пациента два препарата для лечения одного и того же заболевания, но он не знает, какой из них лучше, вполне разумно будет выбрать тот, который прописан доктором. Так и в толковании: при неясности смысла нормы лучше обратиться к намерениям интерпретатора, что объясняется наличием у него властных полномочий и знаний, на которые он опирался при разработке закона [Marmor, 2005, 135; Marmor, 2001, 90-91].

Подобной же позиции придерживается Л. Александер, согласно мнению которого при толковании следует иметь в виду, что текст закона имеет то значение, которое вложил в него автор, следовательно, и слова, составляющие данный текст, следует понимать исходя из позиции его автора – законодателя, а не в том значении, какое они имеют в словаре [Alexander, 1995].

Исходя из этого, выявление смысла закона с учетом целей и намерений законодателя действительно является толкованием права, а интерпретация без учета таких целей и намерений – созданием новой, автономной нормы. Для сохранения своей юридической силы норма права действительно ограничена фактором времени, как с точки зрения нормативного регулирования, так и с позиции конкретного понимания определенных слов и выражений. Поэтому при толковании правоприменителю действительно важно знать намерение законодателя.

Заключение

Подводя итог вышесказанному, считаем необходимым отметить, что обе стороны – и интенционалисты, и сторонники теории необходимости признания намерения, основанного на авторитете власти, – обосновывают свои концепции вполне разумными доводами. Теория интенционализма наиболее ярко соответствует прецедентному характеру англо-американского права, где главную роль играет судебское усмотрение. Толкование права, основанное на представлениях судьи и неограниченном намерениями законодателя, позволяет быстрее и легче адаптировать существующие правила поведения к новым общественным отношениям. Однако такой подход к интерпретации, позволяющий игнорировать цели законодателя, не исключает судебское произвола.

Теория необходимости признания намерения, основанного на авторитете власти, «связывает» правоприменителя необходимостью принимать во внимание намерения законодателя и ограничивает возможности судебного произвола. Но ее реализация на практике может быть затруднена тем, что иногда сложно выявить истинные намерения и цели субъекта правотворчества. Конечно, их можно зафиксировать в самом нормативном акте, но нельзя упускать из виду то обстоятельство, что с течением времени формулировки могут устаревать, перед государством и обществом могут ставиться новые цели, которых можно достигнуть посредством реализации существующего правового акта, но которые вступают в противоречие с целями, ранее сформулированными в нем, а последние, в свою очередь, могут пониматься в ином смысле.

Поэтому считаем, что обращение к намерениям законодателя в ряде случаев может оказывать существенную помощь в раскрытии смысла правовых норм, но абсолютизировать и всецело ориентироваться только на них не следует хотя бы потому, что правоприменитель может неправильно понимать их, соответственно в этом случае норма может быть применена им неправильно. Здесь необходимо учитывать особенности каждого юридического дела и конкретную обстановку, в которой была принята и реализуется правовая норма.

Ряд исследователей считают, что проблема определения и учета намерений законодателя имеет два основных способа разрешения.

1. Официально сформировать методы или каноны интерпретации, в соответствии с которыми обращение к намерениям законодателя будет допустимым, если норму невозможно истолковать, придавая словам и выражениям обычный, распространенный смысл. В случае необходимости обращения к целям законодателя необходимо исследовать взгляды, цели и идеи, не содержащиеся в тексте самого закона [Waldron, 1999, 141-142]. Здесь обращение к намерениям законодателя проявляется как метод интерпретации.

2. Второй подход основан на том, что намерение законодателя является не методом, а признаком и особенностью толкования права. Данный аспект исследовали в своих трудах Ричард Познер и Стэнли Фиш [Pozner, 1986; Fish, 1989]. Ими указывалось, что намерение

законодателя призвано ограничивать интерпретацию, в отличие от иных форм толкования. Вопрос здесь не в том, известны ли интерпретатору намерения законодателя, а в том, в каких условиях формируются эти намерения и в какой интерпретации намерение законодателя может ограничивать смысл нормы. Если цель и замысел законодателя предшествуют формированию текста, для понимания его смысла выяснение этого замысла является обязательным. А какую интерпретацию следует избрать, если текст не мог охватить всех намерений законодателя?

В любом случае считаем, что в идеале власть субъекта правотворчества должна находиться во взаимодействии с властью правоприменителя: законодатель устанавливает определенное правило поведения и придает ему юридическую силу, но реализация права происходит путем реализации властных полномочий правоприменителя, толкующего право. Таким образом, говорить о жизнеспособности права можно только при условии гармоничного взаимодействия субъектов правотворчества и правоприменения.

Итак, ориентация на судебную практику как на основной фактор развития права и его толкования не всегда позволяет избегать проблем, связанных с интерпретацией и применением правовых норм к изменяющимся общественным отношениям. Именно это, по нашему мнению, и является причиной «поворота» англо-американских исследователей к разработке и исследованию теоретических аспектов толкования, к признанию необходимости ограничения правоприменителя целями, преследуемыми законодателем. Именно комплексный подход к толкованию правовых норм, заключающийся в ориентации правоприменителя на норму закона, его цели, а также на доктринальные разработки, будет существенным образом способствовать эффективности применения правовых норм.

Библиография

1. Дворкин Р. О правах всерьез. М.: Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2004. 392 с.
2. Alexander L. All or Nothing at All? // Marmor A. (ed.). Law and Interpretation: Essays in Legal Philosophy. Oxford, 1995. P. 357-404.
3. Dworkin R. Justice in Robes. London, 2006. 320 p.
4. Dworkin R. Law's Empire. Oxford, 1998. 470 p.
5. Fish S. Doing Is There a Text in This Class. Cambridge, Harvard University Press, 1980. 408 p.
6. Fish S. Doing What Comes Naturally. Durham, Londres, 1989. 624 с.
7. Hart L.A. Le Concept de droit. Bruxelles, 2005. 344 p.
8. Hurd H. Interpreting Authorities // Marmor A. (ed.). Law and Interpretation: Essays in Legal Philosophy. Oxford, 1995. P. 423-455.
9. Landis J.L. A Note on «Statutory Interpretation» // Harvard Law Review. 1930. Vol. 43. No. 6. P. 888.

10. Law J., Martin E.A. (ed.). Oxford Dictionary of Law: seventh edition. Oxford, 2009. 794 p.
11. Marmor A. Interpretation and Legal Theory. Portland, Hart Publishing, 2005. 182 p.
12. Marmor A. Positive Law and Objective Values. Oxford, 2001. 188 p.
13. Pozner R. Law and Literature: A Relation Reargues // Virginia Law Review. 1986. No. 72. P. 1351-1392.
14. Scalia A. A Matter of Interpretation. Princeton, 1997. 176 p.
15. Waldron J. Law and Disagreement. N.Y., 1999. 332 p.

**Orientation the intention of the legislator is the guarantee
of the objectivity of the interpretation or restriction
of democratic principles of legal proceedings?
(from the standpoint of the precedent doctrine)**

Yuliya V. Nedil'ko

PhD in Law,

Department of theory and history of state and law,
Kuban State Agrarian University named after I.T. Trubilin,
350044, 13 Kalinina st., Krasnodar, Russian Federation;
e-mail: jvna@list.ru

Abstract

In this article the author discusses major changes in the approach to the interpretation of the law in the UK and the USA in the modern period. The main tendency is to increase the role of theoretical developments while maintaining the basic character of the precedent doctrine. The article stated that in Anglo-American jurisprudence, the opinion is expressed about the need to limit judicial discretion in the process of interpretation and enforcement, intentions that are pursued in the subject of law-making, adopted the normative act. However, many Anglo-American jurists oppose that freedom to associate interpretations with the need to address the objectives of the legislator, because it is in contradiction with the democratic principle of separation of powers and is nothing but a restriction of the freedom of the judiciary from the legislature. They had formed a direction, obtained in the foreign legal science name intentionalism. Considering the arguments of the supporters of both theories, the author comes to the conclusion that in the interpretation and enforcement there should be no excessive freedom of the enforcers, which can develop into a lawlessness or a hard limit it by the

legislator, because it can really put the judicial power in dependence on the legislative. The best option may be the harmonious interaction of these branches of power, allow to comply with the principle of legality, but at the same time enabling the freedom of judicial discretion, which would facilitate the normal functioning of the legal system.

For citation

Nedil'ko Yu.V. (2016) Orientatsiya na namereniya zakonodatelya – garantiya ob"ektivnosti tolkovaniya ili ogranichenie demokraticeskikh nachal sudoproizvodstva (s pozitsii pret-sedentnoi doktriny)? [Orientation the intention of the legislator is the guarantee of the objectivity of the interpretation or restriction of democratic principles of legal proceedings? (from the standpoint of the precedent doctrine)]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 6 (10A), pp. 13-23.

Keywords

The interpretation of the law, interpretive theory, the theory of intentionalism, the theory of the need to recognize the intentions based on the authority of the government, judicial discretion, precedent doctrine.

References

1. Alexander L. (1995) All or nothing at all? In: Marmor A. (ed.). *Law and Interpretation: Essays in legal philosophy*. Oxford, pp. 357-404.
2. Dworkin R. (2006) *Justice in Robes*. London.
3. Dworkin R. (1998) *Law's empire*. Oxford.
4. Dworkin R. (1978) *Taking rights seriously*. Harvard University Press. (Russ. ed.: Dvorkin R. (2004) *O pravakh vser'ez*. Moscow: Russian Political Encyclopedia (ROSSPEN) Publ.).
5. Fish S. (1980) *Doing is there a text in this class*. Cambridge, Harvard University Press.
6. Fish S. (1989) *Doing what comes naturally*. Durham, Londres.
7. Hart L.A. (2005) *Le Concept de droit*. Bruxelles.
8. Hurd H. (1995) Interpreting authorities. In: Marmor A. (ed.). *Law and interpretation: essays in legal philosophy*. Oxford, pp. 423-455.
9. Landis J.L. (1930) A Note on "statutory interpretation". *Harvard law review*, 43 (6), pp. 888.
10. Law J., Martin E.A. (eds.) (2009) *Oxford dictionary of law: seventh edition*. Oxford.
11. Marmor A. (2005) *Interpretation and legal theory*. Portland, Hart Publ.
12. Marmor A. (2001) *Positive law and objective values*. Oxford.
13. Pozner R. (1986) Law and literature: a relation reargues. *Virginia law review*, 72, pp. 1351-1392.
14. Scalia A. (1997) *A matter of interpretation*. Princeton.
15. Waldron J. (1992) *Law and disagreement*. New York.